

ПОСЛЕДНЯЯ НОВОСТЬ

ЧЕТВЕРГЪ, 8 ЮНЯ 1939
JEUDI, 8 JUIN 1939

НОМЕРЪ
ВО ФРАНЦИИ

80

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe "LES DERNIERES NOUVELLES" Directeur P. N. MILIOUKOV

LE NUMERO
EN FRANCE

80

ЧЕТВЕРГЪ, 8 ЮНЯ 1939
JEUDI, 8 JUIN 1939

№ 6646

20^e
ANNEE
159

ABONNEMENT AUX "DERNIERES NOUVELLES"
(Partant du 1er et de 15 de chaque mois)
ПОДПИСКА НА "ПОСЛЕДНЯЯ НОВОСТЬ"
(с 1-го и 15-го числа месяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франції . . . France	18	54	108	200
За-границей . . . Etranger	26	100	190	365

Пересылка адреса — 1 фр. — Changement d'adresse — 1 fr.

Газета принимается в Конторѣ газеты
и въ ее отдѣленіяхъ, а также во всѣхъ почт.
отдѣленіяхъ
Цѣна 74 въ Парижѣ и провинціи — 80 сантим.
За-границей — 1 фр. 80 сантим.
Пріемъ объявленій въ Конторѣ газеты

ADRESSE DE LA REDACTION ET DE L'ADMINISTRATION
Адресъ Конторы и Редакціи
51, Rue de Turbigo, 51 — Paris III. (Métro : Arts et Métiers)

On s'abonne aux Bureaux du Journal
et dans tous les Bureaux de Poste
Le numéro: Paris et Départements - 30 c.
Etranger — 1 fr. 50 cent.
Annonces : aux Bureaux du Journal

Телефонъ редакціи . . . TURBIGO 51-52
конторы . . . ARCHIVES 25-00
отд. объявленій . . . TURBIGO 51-20, 51-21
Кустодъ телефоновъ редакціи (послѣ 9 час. вечера) :
PROVENCE 78-17

Телеграфный адресъ Adresse télégraphique
DERNOUVED PARIS 63

№ 6646

20-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ
159

Литература въ СССР

Въ послѣднемъ номерѣ «Литературной Газеты» — большая статья А. Горнфельда, писателя, оказавшагося волей судеб почти что «виѣ литературы» и допускаемаго къ печати крайне рѣдко.

Статья называется «Елиходовъ и другіе» (очевидно, въ подражаніе горьковскому «Достигаевъ и другіе»). Это — опытъ изслѣдованія о значеніи фамилій у Чехова, въ частности, въ «Вишневомъ саду». Горнфельдъ вспоминаетъ замѣчаніе Виктора Гюго, сдѣланное по поводу пьесъ Бомарше: «Только гениальному поэту присуще умѣніе давать своимъ созданіямъ имена, похожія на нихъ». Чеховъ, по его утвержденію, достигъ этого, — при чемъ, характеристики, которыя онъ даетъ своимъ героямъ въ именахъ, гораздо тоньше тѣхъ, которыя давались по прежнему методу: напимѣрь, Стародумъ, Скалозубъ или Собакевичъ.

Статья была бы безспорно оригинальна, если бы основная мысль, лежащая въ ней, не была уже высказана. Еще до войны кто-то въ нашей критической литературѣ обратилъ вниманіе на значеніе нѣкоторыхъ фамилій у Толстого — въ частности, на Халтупкину, упоминаемую въ «Воскресеніи». Къ сожалѣнію, не можемъ вспомнить имя автора статьи.

Двѣ пьесы Леонова — «Половчанскіе сады» и «Волкъ» — «продолжаютъ оставаться въ центрѣ вниманія нашей литературной и театральной общественности» (изъ той же «Лит. Газеты»).

Интересъ къ нимъ подогревъ рѣзкимъ расхожденіемъ въ оцѣнкахъ, — а отчасти, инцидентомъ съ драмсекціей Союза писателей.

Эта «драмсекція» устроила публичный диспутъ, посвященный Леонову, при чемъ приглашенія на диспутъ были составлены въ полемическомъ тонѣ и призывали къ «правильной оцѣнкѣ крупнаго явленія въ области драматургіи». Многие изъ приглашенныхъ, уже высказавшіе на пьесы Леонова свой отрицательный взглядъ, — въ частности, критикъ «Комсомольской Правды», возмутились и заявили протестъ противъ «развязной безапелляціонности».

Самъ Леоновъ на диспутѣ выступилъ тоже достаточно «безапелляціонно». Противъ свободы сужденія и мнѣній онъ не возражалъ. Но признался, что критика ему равно ничего не дала.

— Если споръ будетъ вестись и дальше на такомъ уровнѣ, его лучше прекратить совсѣмъ!

Цѣлый рядъ писателей поддерживаетъ Леонова. Павленко (авторъ «На Востокѣ»), напимѣрь, утверждаетъ, что послѣ этихъ пьесъ уже нельзя возвратиться къ «Огнямъ маяка» или «Генконсулу» (комедіямъ, примитивно построеннымъ, съ развязкой, ясной всякому уже въ первомъ актѣ, и схематическими персонажами). Отсутствие безспорно — положительныхъ героевъ у Леонова нельзя считать недостаткомъ его драмъ. Наоборотъ, «если наша драматургія

чѣмъ — либо страдаетъ, то именно излишнимъ пристрастіемъ къ святымъ, съ одной стороны, и мерзавцамъ, съ другой».

Взглядъ въ цѣломъ справедливый. Пьесы Леонова («Половчанскіе сады», въ особенности), при всей неясности характеровъ и тяжести языка, конечно, неизмѣримо значительнѣе шедевровъ Корнѣйчука и даже Ал. Толстого. Самая сложность замысла выгодно отличаетъ ихъ отъ агитаціонныхъ лубковъ, господствовавшихъ на совѣтской сценѣ до сихъ поръ.

Г. А.